

ВЪ ГАРНАТУХЪ.

Гранты обходно.

ВЕЧЕРНЯЯ ИЗВЪСТІЯ.

Война.

ОТЪ ШТАБА КАВКАЗСКОЙ АРМІИ.

Въ теченіи 23-го декабря значительныхъ боевыхъ столкновений не было.

Черезъ Петроградское телеграфное агентство.

ПЕТРОГРАДЪ. За отличіи въ дѣлахъ противъ неприятеля произведены: въ полковникъ—дѣйствующаго генерала полка Кучевскаго и Константинаевича, Сухомежскаго штаб-полка—звѣзда Минадзе; въ подполковники: генерала Грузинскаго полка Минаберидзе, убитаго въ сраженіи, и Ново-Базетскаго штаб-полка Александровскаго (Спец. корр.).

КАМРЪ. 23-го января. Получены известія, что генералъ, командовавшій турецкими силами, раненъ, но ему удалось бѣжать. Изъ числа германскихъ офицеровъ 1 убитъ, 1 раненъ, 2 взяты въ плѣнъ.

КАМРЪ. 23-го января. «Агентство Рейтера» сообщало о дальнѣйшихъ подробностяхъ боя у Суэцкаго канала. Всего взято въ плѣнъ до 600 турокъ, 3 пулемета и 90 верблюдовъ, нагруженныхъ боевыми припасами. Турки въ разныхъ мѣстахъ сраженія оставили 400 убитыхъ. Общій потерь неприятеля оценивается по крайней мѣрѣ въ 2,400 человекъ, включая плѣнныхъ. Среди убитыхъ—германскій офицеръ.

Вчера не произошло никакихъ значительныхъ боевыхъ дѣйствій.

По Кавказу.

Хроника.

ЮБИИ. Сообщение на перекрѣ Коби-Гурауръ восстановлено. (Телер. «Кавказ».) 14-го января между селеніями Коргохъ и Горгубинъ, Ахалцихскій у., обнаружено трупъ убитаго кавказцемъ Абдуллы Саидъ-оглы.

Изъ Поти 22-го января намъ пишутъ: Общественно-распорядительные комитеты, состоящие изъ представителей общины, призваны охранять желѣзныя дороги, запрещены въ военное время проходить по полнотѣ жел. дороги и выданы ихъ попутнымъ лицамъ, и что въ случаѣ появленія на полнотѣ жел. дороги и близъ ихъ вооруженныхъ партій или отдельныхъ людей, послѣдніе будутъ обстрѣливаемы стрѣлками изъ винтовки.

Вилкоктъ Гуріель-мингрельскій Лоидицъ выѣхалъ черезъ Тифлисъ въ Петроградъ.

Какъ говорится, мѣстные отпѣльщики Ахонско-Донскаго района не возвращаются сюда и бѣгутъ за границу.

Постановленіе гор. думы о выборѣ замѣст. гор. головы до сихъ поръ не представлено на утвержденіе, такъ какъ не подписанъ еще журналъ засѣданія думы.

Въ ночь на 21-е января восточнымъ вѣтромъ, съ необычайной силой дувшимъ по донизіи (со скоростью 20 метровъ въ секунду), въ городѣ причинены значительныя поврежденія частнымъ постройкамъ, а на юго-востокъ желѣзнодорожному полотну послужила на главное кучище ополченнаго провала. 22-го января въ ночь на 23-е января, восточнымъ вѣтромъ, послѣднее поврежденіе увеличилось: захлопотало при обильномъ дождѣ. Възвѣшеніе дурной погоды вълечило задержаніе сумоушій моторный матерья съ грузомъ и пассажирами.

Департаментъ земледѣлія предложилъ директору ботаническаго сада высказать изъ варяжскаго питомника сажа темеръ же, а въ случаѣ наступленія холодовъ—раннее сеянцы 7,500 штукъ, выращенныя вилкоктъ-пешкоушны на ст. Курдурманъ и столько же на ст. Елизаветпольскій для меліоративной сѣтки бакинскаго армянскаго культурнаго союза.

Появившаяся раненность, кто поетъ и кто. Среди пластуновъ были также найдены самими артистами. Эти пластуны ранены слышали съ особеннымъ удовольствіемъ.

22-го января Ф. И. уѣхалъ изъ Москвы въ Петроградъ. Передъ отъѣздомъ Ф. И. захватилъ раненныхъ воиновъ. Прощаніе было трогательное; со слезами раненные Шаллининъ расцѣловались, желая имъ скорого выздоровленія.

6-го января была съѣздомъ въ залѣ дѣти Шаллинина отпущены спешными. Пластунъ Шаллининъ, при чемъ теушъ играла старшая пятидесятитрѣхлѣтняя жѣн. Ф. И. Погребъ оставила маляна дочь Шаллинина, десятилетняя болная дѣвочка, протановала гдѣ-нибудь въ больницу. Потомъ хоръ пропѣлъ въполголоса маляроскопическія и русскія пѣсенки и были розданы подарки.

Вообще,—рассказываетъ А.—жизнь въ лазаретѣ Шаллинина протекала такъ: вставали въ 8 часъ, пили чай, въ 12 часовъ ѣли. После обѣда приходилъ дѣти Ф. И. и рассказывали намъ о своихъ урокахъ и т. п. Самыя младшія, десятилѣтнія, были Шаллинина, обыкновенно показывали свои рисунки, остальные наперобѣй рассказывали и читали.

Шаллининъ въ раненные отомнилъ, съ особенной любовью и уваженіемъ. Они гордились тѣмъ, что они такой «важнѣй» теперь я, и главное, самъ захотѣлъ изъ нароста «бѣгать» былъ несомненною темой для разговоровъ среди раненныхъ.

15-го раненныхъ въ лазаретѣ Шаллинина десало 15 человекъ. Ночь лазаретъ отворено 9 часовъ. Обслуживать лазаретъ первоначально по всемъ лазаретъ безурочная члѣсто.

Даже указавъ не хотѣлось отпущать,—говоритъ А.—такъ хорошо такъ, топу у отца въ магазинъ. Но хватъ паръ бѣло,—отъ прѣдсѣдателя сола. 12-го января жѣнъ на автомобиль ѣздила къ вокзалу. Зѣбу І. И. Шаллинина на свой доникъ купила бѣлѣтъ и послала мѣнъ въ вагонъ. Прощалая мѣнъ, какъ и всѣхъ раненныхъ, всѣ мѣнъ Шаллинина захотѣлъ по управленіемъ известной оперной артистки.

Восторгу раненныхъ, конечно, не было предела.

На другой дѣнь Ф. И. отбѣжалъ въбѣтъ съ раненными, которыхъ забавлялъ рассказами изъ своей жизни въ Ватской г. цѣль онъ вѣнулъ. Среди раненныхъ былъ землякъ Шаллинина, оказавшійся почти изъ одного села съ нимъ. Ф. И. много и съ особеннымъ удовольствіемъ рассказывалъ о своемъ дѣтствѣ, о нудѣ, которую пришлось ему испытать.

— Я самъ, братцы, изъ деревни, изъ крестьянъ,—рассказываетъ Ф. И.—таскалъ маляничью дрова, выдалъ и холотъ и голотъ. Знаю, что такое крестьянскій трудъ. И теперь я ицѣню трудъ и люблю народъ.

Мы, раненные, въ свою очередь рассказывали Ф. И. о своей жизни, называя своего знаменитаго собеседника «баткой».

Иногда Шаллининъ заводилъ граммофонъ, и тогда...

Пластуны объ офицерскихъ женахъ. (Письмо въ редакцію.)

четь, уважая на меня чуть замѣтнымъ кивкомъ головой.

— Она говоритъ,—переводитъ мой спутникъ,—что у нея болѣтъ жить въ городѣ, а потому она не можетъ ѣсть сухого хлѣба. Проситъ, чтобы ей дали хотя полста ананасовъ...

— Онь очень болной, очень,—скажутъ отсюда-то изъ подъ одеяла;—еслибъ дрова кусокъ, немку топить буеать, умирать не будемъ...

— Были случаи смерти? — Каждый день, почти, хоронили... — Отчего-же умираютъ? — Отъ истощенія все, да отъ простуды... Здѣсь, въ этой комнатѣ, сегодня умерло двое дѣтей.

Въ двухъ комнатахъ (въ нижнемъ этажѣ) помѣстилось нѣсколько семействъ самскихъ сирѣчьекъ. Здѣсь-же священникъ села Увала, о. Гаринъ. С. маассіе бѣженца успѣли захватить съ собой кое-что изъ теплыхъ вещей, одеяла, а нѣкоторые даже подушки, и чувствуютъ себя постолю нѣсколько лучше уральскихъ. Отъдѣ Гаринъ по русски не говоритъ, но бывшій здѣсь другой священникъ, о. Алексѣевъ изъ села Галтанъ, Урмійскаго округа, хорошо владѣетъ нашимъ языкомъ.

— Намъ очень тяжело здѣсь,—жалуется о. Алексѣевъ.—Вроде вѣстныхъ сирѣчьекъ никто пока не пришелъ къ намъ на помощь, а сирѣчьки сами собрать всего около 1.000 рублей, которые уже пархолодомы и тееръ, если намъ не помогутъ, мы останемся буквально безъ куска хлѣба. Хотѣли бы раздѣлить въ недѣлю выданный намъ горячую пищу да устроили бы кубъ для книгъ...

Г. А. Ч.

Письмо въ редакцію.

М. г., г. редакторъ.

Просимъ васъ помѣстить въ «Кавказъ» слѣдующее сообщеніе:

Часто многе родные и знакомые воиновъ, находящихся на позиціяхъ, беспокоятся о нихъ, долго не получая отъ нихъ вѣстей изъ дѣйствующей арміи. Возникаетъ мысль, что они убиты, или ранены, или пошлѣ въ плѣнъ. Но гдѣ получить свѣдѣнія о судьбѣ этихъ воиновъ? Единственная возможность—это обратиться въ Петроградъ въ главный штабъ, гдѣ выданы справки. Но и это не всегда возможно отбѣлать—либо по дальности расположенія, либо вследствие неумяи маюроуныхъ только возикнетъ необходимая для справки свѣдѣнія. Тутъ пришла на помощь студента-петроградцы. Желаая обезпечить получение справокъ въ главный штабъ, въ спривомъ бюро Краеваго Креста, въ бюро военнопленныхъ и др., группа студентовъ рѣшила принятъ на себя наведеіе справокъ въ вышеуказанныхъ учрежденіяхъ во все время военныхъ дѣйствій. Въ короткое время студенты уже выполнили нѣсколько тысячъ справокъ. Это возикло является лучшимъ показателемъ той острой нужды, какаа опущена населеніемъ въ подобную работу отравившихъ. Для успѣшности справки необходимо указать слѣдующія данныя о лицѣ, о которомъ спрашивается:

- 1) фамилія, 2) имя, 3) отчество, 4) воинское званіе, 5) какаа часть воиновъ, 6) губернію, уѣздъ, волость. Для отбѣтнаго номера необходимо приложить черту, въ 10 коп. Справку просимъ направлять по адресу: Петроградъ, Симбирскій пер., 33, к. Б. Студенту К. Капперъ. Отвѣтъ высылаемъ чрезъ 4—7 дней по полученіи письма.

Въ нѣдрахъ ополченія болѣею частью насѣдены просимъ дѣти газеты переписать. Отъ имени группы студентовъ К. Капперъ.

Другая старуха—большая,—что то шептала, и больше. Вотъ уже видны связи... Вдуртъ степи изъ коновѣнныхъ толкаетъ дурно въ бѣтъ.

— Гдѣ-ка, Митрѣчъ: никакъ люди на вонкахъ скрутитъ... не разберешь, что: казани или изнанка? — Ковѣнные останаливаются и гдѣ-то вѣдѣются въ сторону. Дѣйствительно, изъ-за толка показало нѣсколько всадниковъ, еще и еще...

— А, вѣтъ, это не казани! Курды это, братцы!

— И вѣрять курды! Вотъ такъ штука! Остановились и плѣнные, оладываются, что-то говорятъ, жестикулируютъ...

И протѣмъ взамомъ различить можно, что это курды скажутъ.

— Что жъ теперь дѣлать?—совѣщаются коновѣнные.—Вѣтъ, не доверять до деревни плѣннымъ: или, сколько курдовъ.

— Что же намъ то не отвѣчаютъ! Не видятъ что ли?

— Упродитъ надо: перенять часъ накачутъ курды на деревню...

— Вотъ что, братцы,—рыбачетъ Митрѣчъ.—Мы, значитъ, отовымъ нашу первую команду чуть перепеть, а сами займемся цѣпью, а ты, Иванчикъ, бѣги въ деревню, тутъ скоро добѣдишь, поймай прѣсло... да скажи, чтобы по насъ-то не пѣдали! А мы тутъ дождемъ за нашей командой: перенять часъ...

— Кому они пѣдали? То да на худой конецъ и не убиты: дадено: видны, воли какіе... И чего они такъ галдятъ?

Иванчикъ пообѣдалъ.

А плѣнные, дѣйствительно, увидя, что цѣпъ изъ коновѣнныхъ пообѣдалъ жъ дѣрвѣтъ, подняли крикъ, толпѣ на одномъ мѣстѣ и указывая коновѣннымъ въ сторону, гдѣ носились конные курды...

Черезъ нѣкоторое время, едва только вполголоса дождикъ до деревни, оттуда выскочилъ плѣнъ, отрялъ. Глядятъ и помытъ ничего не могутъ:

— Съ криками: «пѣтъ, пѣтъ!» бѣгаютъ на деревню ополченія курды плѣнныхъ, турокъ, за которыми сле ухватываютъ коновѣнные, а тамъ подальше, въ поле, скрутъ въ сторону, противоложную и плѣннымъ и деревнѣ, курды. Плѣнные-же бѣгутъ такъ, словно ихъ невидимая сила подгоняетъ: хотѣли прѣтъ вывалить!

Вотъ первая группа ихъ, захваченныхъ, еле пересѣла духъ, дико озирался, любѣлъ и бросается къ офицеру: «Пѣтъ, пѣтъ! Урѣтъ, давай пѣтъ!»

Косачъ, черезъ переводчика, завывающаго разговоръ съ плѣнными. Переводчикъ и самъ не слезъ въ русское званіе.

— Маленькихъ много умерло отъ голода и холода, а больше взрослые перѣдо герандис по дорогѣ; ихъ подбирали казани и солдаты и доставляли въ Джубуфу. Вотъ, напримеръ, эти трое доставлены на казани... Судьба многихъ дѣтей пока не известна, но у насъ сейчасъ носемъ дозвѣтъ та-ихъ дѣтей, у которыхъ родители не находятъ и не знаемъ, живы ли они.

Въ сопровожденіи своего собеседника и переводчика иду въ другія комнаты дома. Вѣду то же: голодные, бо-не и обгорѣлые молчаливые люди.

Но въ еще болѣе тяжеломъ положеніи (возможны и это!) находится бѣженцы, помѣтившіеся въ духѣ истощенныхъ еще комитъ хъ верхняго этажа дома Айзаволова. Имъ приходится спать на сырой землѣ, въ сыромъ помѣщеніи. Дуетъ въ окна и въ двери; въ одной изъ этихъ комнатъ помѣщается 38 человекъ, въ другой—45.

И зашелъ сюда уже поздно вечеромъ, когда пора было готовиться ко сну. Однако, спать никто, повидному, не собираясь, а всѣ обитатели духъ комитъ, сбившись въ кучу и потянувшись на себя все ивѣвшиеся въ нѣпачности дождикомъ, старались согрѣть другъ друга... Въ одной мѣстѣ десатокъ женщинъ усажены въ тѣсной ардукожъ, покрывъ одеялами ноги и попусувъ подъ него руки; въ углу подъ однимъ одеяломъ ялялся куча чумакавъ, черныя ребятишки Другъ друга меньше.

Какая-то старуха, осторожно трогая мѣнъ за рукавъ, бормочетъ что-то по сирѣчьки и указываетъ на алажу на землѣ дѣвущку.

— О чѣмъ она?—спрашиваю переводчика. — Неуоно, господи, говорятъ. — Чѣ-либо нехорошее? — Нѣтъ, но... (шепчетъ на ухо) она говоритъ, что вынн заги въскъ...

Въ одной изъ комнатъ заставо трагичная дамѣищій самоваръ, около котораго куча дѣтей и болѣе десатка взрослыхъ изъ духъ—трѣхъ чашекъ, по очереди, пьютъ горячую воду. Здѣсь доски прикрыты какими то волоками, а для дѣтей извѣто одеяла.

— Тутъ семья священника, старости и его братъ,—пѣняетъ мой переводчикъ. — Священъ былъ куда-то вышеле, а староста, селъ Дамзаволова, В. Минасовъ, охотно вступилъ въ разговоръ, что объяснилъ по-русски. Онъ расказалъ мнѣ:

— На моихъ глазахъ курды убили бѣгавшаго моего прѣдшественника, П. Г. Хамаба, и женщину Тарварданъ. Многимъ изъ насъ грозила та же участь, а потому мы, поборавъ все свое имущество, поспѣвали ушли. Шла восьмъ сутокъ... Бѣда было много... У ю дорогу похоронилъ двоихъ дѣтей... Какъ-жяла прѣже—спрашиваю? — Хорошо, богато, можно сказать. Занимался сельскимъ хозяйствомъ, главнымъ образомъ, садоводствомъ и земледѣіемъ. Слѣла пшеницу, ячмень, сарацинское просо. Продавалъ его въ Россію черезъ Эриванъ и нѣкоторые количества въ Турцію... У меня имущестъ а оставоу не на одну тысячу рублей. Одинъ садъ чѣсто стоилъ. Все это было, а теперь я и семья всю вторую мѣсяцъ не съмысливъ бѣлаъ. Еще надо молить Бога за нашихъ солдатъ и назвоны, которые такъ голодны намъ, а то погибли-бы мы всѣ въ дорогѣ...

Въ смежной, съ этой, комнатѣ, въ маленькій кѣлѣтшкѣ, помѣстилось пять братьевъ съ семьями. Они—жители села Гавилянъ, по фамилии Маюровы, были самими богатыми не только въ своемъ селѣ, но чуть-ли не во всемъ Урмійскомъ округѣ.

— Маюровыхъ всѣ знаютъ,—говоритъ одинъ изъ нихъ.—У насъ оставоу такъ 1500 овецъ, 35 голубовъ свѣта, болѣе 2,000 пудовъ хлѣба, пострѣли, земледѣльческія машины, сада... Тамъ богатоство—курдыки достояны, а тутъ мы сими на грязной землѣ... Довѣтъ дѣтъ ребенокъ болѣной, безъ врачебной помощи и даже бѣлыши.

Другая старуха—большая,—что то шептала, и больше. Вотъ уже видны связи... Вдуртъ степи изъ коновѣнныхъ толкаетъ дурно въ бѣтъ.

— Гдѣ-ка, Митрѣчъ: никакъ люди на вонкахъ скрутитъ... не разберешь, что: казани или изнанка? — Ковѣнные останаливаются и гдѣ-то вѣдѣются въ сторону. Дѣйствительно, изъ-за толка показало нѣсколько всадниковъ, еще и еще...

— А, вѣтъ, это не казани! Курды это, братцы!

— И вѣрять курды! Вотъ такъ штука! Остановились и плѣнные, оладываются, что-то говорятъ, жестикулируютъ...

И протѣмъ взамомъ различить можно, что это курды скажутъ.

— Что жъ теперь дѣлать?—совѣщаются коновѣнные.—Вѣтъ, не доверять до деревни плѣннымъ: или, сколько курдовъ.

— Что же намъ то не отвѣчаютъ! Не видятъ что ли?

— Упродитъ надо: перенять часъ накачутъ курды на деревню...

— Вотъ что, братцы,—рыбачетъ Митрѣчъ.—Мы, значитъ, отовымъ нашу первую команду чуть перепеть, а сами займемся цѣпью, а ты, Иванчикъ, бѣги въ деревню, тутъ скоро добѣдишь, поймай прѣсло... да скажи, чтобы по насъ-то не пѣдали! А мы тутъ дождемъ за нашей командой: перенять часъ...

— Кому они пѣдали? То да на худой конецъ и не убиты: дадено: видны, воли какіе... И чего они такъ галдятъ?

Иванчикъ пообѣдалъ.

А плѣнные, дѣйствительно, увидя, что цѣпъ изъ коновѣнныхъ пообѣдалъ жъ дѣрвѣтъ, подняли крикъ, толпѣ на одномъ мѣстѣ и указывая коновѣннымъ въ сторону, гдѣ носились конные курды...

Черезъ нѣкоторое время, едва только вполголоса дождикъ до деревни, оттуда выскочилъ плѣнъ, отрялъ. Глядятъ и помытъ ничего не могутъ:

— Съ криками: «пѣтъ, пѣтъ!» бѣгаютъ на деревню ополченія курды плѣнныхъ, турокъ, за которыми сле ухватываютъ коновѣнные, а тамъ подальше, въ поле, скрутъ въ сторону, противоложную и плѣннымъ и деревнѣ, курды. Плѣнные-же бѣгутъ такъ, словно ихъ невидимая сила подгоняетъ: хотѣли прѣтъ вывалить!

Вотъ первая группа ихъ, захваченныхъ, еле пересѣла духъ, дико озирался, любѣлъ и бросается къ офицеру: «Пѣтъ, пѣтъ! Урѣтъ, давай пѣтъ!»

Косачъ, черезъ переводчика, завывающаго разговоръ съ плѣнными. Переводчикъ и самъ не слезъ въ русское званіе.

— Спроси ихъ, чѣсто они отъ своихъ-же бѣжали? Почему жъ имъ не поили? — Завѣтъ бѣжать? Куда бѣжать жѣ,—говоритъ переводчикъ, и, словно стараясь подтвердить его слова, турки горячо жестикулируютъ, одобряющаю кивая головами.

— Куда имъ бѣжать,—продолжаетъ переводчикъ,—тамъ курды. Они не хотѣтъ

— Сегодня, 25-го января, состоится за-сѣданіе часовоу о-ва земледѣльцевъ, для разсужденія прѣдложенія совѣта объ ассоціативныхъ средствахъ на помощь жертвамъ войны.

— Въ пользу семействъ низшихъ чиновъ, убитыхъ на войнѣ, въ коитору газеты «Кавказъ»—поступило отъ офицера штаба N-И кавказской стрѣлковой бригады 22 р. 85 коп.

— Изъ поступившихъ отъ н-ка Заваталоваго округа ген.-майора Сушинскаго 2,780 рублей въ личное распоряженіе старейшаго гр. Воронцова-Дашковой заказами 300 паръ бурныхъ, обшитыхъ войскъ сапоги, на сумму 1,950 руб., для отправки въ кавказскую дѣйствующую армію, а остальны въ 830 руб. записать на текущій счетъ склада въ Вѣнчестрѣ въ купеческомъ банкѣ.

— Распорядительному комитету тифлискаго вѣроекго Благоотворительнаго общества, вѣдѣтъ доктора Минина, г. губернаторскіе разрѣшенія пропустить сборъ добровольныхъ пожертвованій среди населенія Тифлиса на покупку средствъ названнаго общества по упродитиву лицъ, пострадавшихъ отъ войны.

Милости и помощи требующие.

Война бѣженцевъ-сирѣчьекъ, вѣсоровъ, начавшихъ въ дѣской Урми и Самасѣ, достигла и до Тифлиса. Сотни несчастныхъ, боныхъ и полуразбитыхъ, дошедшихъ жертвъ войны промыла надѣяться къ намъ въ надеждѣ, что здѣсь, брѣтъ по вѣрѣ, помогутъ имъ и спасутъ отъ голода, холода и болѣзаней.

Къ сожалѣнію, надежды этихъ и смѣтныхъ пока не оправданы. И не будь въ вѣнчестрѣ обществъ нѣсколькихъ зажиточныхъ сирѣчьекъ,—кто знаетъ, что стаовъ бы съ сотнями обездоленныхъ, ищущихъ помощи людей...

Бѣженцы поселились на окраинахъ города, преимущественно—въ Нахавскѣ. Самая большая ширта (около 300 человекъ) р-жнѣна въ перестраивающихся комнатахъ дома А. Айзаволова, находящагося въ самомъ концѣ Нахавскаго у. поля.

О тяжкомъ положеніи бѣженцевъ-сирѣчьекъ и не надо сказать, но то, что ирѣсло увидѣтъ хотѣ бы жѣ домъ Айзаволова, неподалѣку, вѣрнотю, не вѣдѣна съ изъ нами. Околою, однако, горя и страданія мѣлеть перенести человекъ.

Въ холодныхъ, сырыхъ, грязноватыхъ комнатахъ на голой полу или доскахъ размѣстены вполноту десатки стариковъ и рядомъ дѣтей. Отъ холода они жмутся другъ къ другу, согрѣвають руки ладаніемъ, трутъ холодными ногами. Голодныя, подавляя ребятишки жуютъ сухую хлѣба, а у какою-то счастливца въ кучѣ сухой ауръ.

Первая-же комната, куда я вошелъ, была наподобию около 20 кв. аршинъ, и въ ней устроено восемь семей.

Дѣти (довольно много) въ это время заняты были нетугобой глиняной миской, на дѣт ногубои алажу нѣскольکو кусочковъ рѣдкя. Завѣтъ мѣла, или сѣвондуванія и съ рѣзкой въ рукавъ или въ зубѣхъ вѣстали въ уморительныхъ позахъ...

Два пожилыхъ сирѣчка, прекрасно говоряща по-русски, зная дѣль моего прихода, печально привѣтуютъ мѣнъ.

— Посмотрите, посмотрите, каковъ посажалъ намъ Господь испытаніе... Валините на нашихъ дѣтей.

По знаку моего собеседника дѣти подходятъ и показываютъ свои но и, покрываія язвами, кусками войлока.

— Это они или поспѣту и горѣтъ десатки, сотни вѣрѣтъ,—поисаитъ сирѣчка.—И не бѣтъ-бы на одному изъ нихъ жѣбѣ, если бы не казани да не солдаты. Они спасены намъ многихъ дѣтей отъ смерти и дѣланы съ нами послѣдней вѣршкѣ хлѣба.

— Значитъ, дѣйствительно, гибли дѣти въ дорогѣ?

— Такъ, какъ говорили два турка изнанка, что они плѣнные... Но бѣлѣтъ, говорятъ, съ дорогъ, перепутались, какъ насъ увидѣли!

— Сидѣтъ—рѣзается команда, и раздѣвъ рѣсно направилась въ сторону страннаго отряда плѣнныхъ...

Дѣйствительно, среди обезоруженныхъ турокъ, сбившихся въ кучу, не видно никакихъ коновѣнныхъ. Неудачные офицера расстѣтъ.

Отъ группы турокъ отбѣдѣлся одинъ въ формѣ аскера и на русскоею лозангомъ языкѣ докладываетъ:

— Тамъ, за холмами, болѣею «смаргальдѣ-дѣтѣ!» Много аскеровъ пропало: страшно болѣтъ русские... Насъ всѣхъ въ плѣнъ вѣла...

— А гдѣ же конной? — Завѣтъ конной? Вагъ офицеръ сказалъ: сейчасъ много хлѣпотъ тамъ, солдаты очень нужны, конной нельзя давать...

— Что же, онъ всѣ однихъ пустилъ? А ты кто же, тоже турокъ?

— Нѣтъ,—завѣтъ турокъ? И армянинъ, туркеній армянинъ. Насъ тоже турки въ солдаты забрали. Господи! офицеръ говоритъ мнѣ—дѣлать солдатъ не даемъ, да бѣдѣтъ, вѣди ты самъ въ Сарыкамъши, будешь коновѣннымъ...

— Такъ чего же вы по горамъ-то плѣняетесь?!

— Дорога пропала, исказъ, исказъ, всѣ наши бѣдѣтъ несли... Показалета, скажи-те, гдѣ въ Сарыкамъши дорогѣ?

Плѣнные, услышавъ знаком

